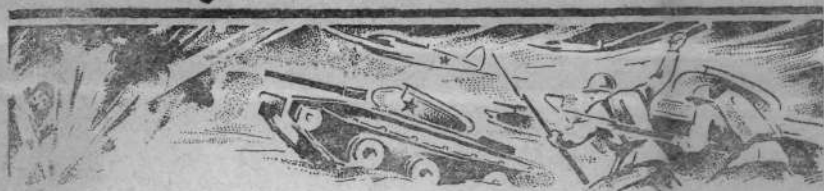

355689

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА С НЕМЕЦКИМ ФАШИЗМОМ

1942

ФРОНТОВОЙ СБОРНИК

ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ, СТИХИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Произведения, из которых составилсЯ этот сборник, создавались не в обычной обстановке. Авторы их — фронтовики, бойцы, командиры, политработники Юго-Западного фронта.

Материал сборника говорит о многом. Сознание исторической справедливости и величия борьбы, которую ведет сейчас Красная Армия и весь Советский народ, глубокое чувство любви к родине, глубочайшая ненависть к врагу, чьи гнусные дела бойцы видят воочию, освобождая временно захваченные немецкими оккупантами советские села и города, ощущение своей силы, — вот что можно прочитать в этих кратких повествованиях, очерках и безыскусственных стихах.

Самая потребность высказаться не в обычном письме, корреспонденции, заметке, а именно в стихах или в художественном очерке, рассказе порождена тем огромным внутренним подъемом, который переживают сейчас все советские люди, и особенно те, кто находится в первых шеренгах бойцов. Жизнь фронта с его необычайными событиями, с его напряженной горячей атмосферой, будоражащей сердце, сама толкает людей к творчеству, и этот творческий дух проявляется во всем: в находчивости и отваге одиночного бойца, во вдохновении битвы и в создаваемом фронтом художественном слове.

Прозаические произведения, включенные в сборник, очень разнообразны по жанру. Здесь и художественная публицистика, исполненная высокой патетики, прочувственная речь-обращение воина Красной Армии к народу Украины — «Диду, мы возвращаемся», и типичный боевой эпизод—рассказ «Подвиг»; и отличная сказка «Два Мороза» красноармейца Ермоленко, в которой так естественно и просто переплетаются народный юмор и народная героика; и исполненные боевой романтики рассказы «Сердце охотника» и «Кисет». Два последних рассказа ярко показывают, какое разнообразие художественно плодотворных тем и сюжетов заключает в себе фронтовая беллетристика. Придет время — и эти темы и сюжеты будут развернуты, развиты, войдут как составной эле-

мент в большие художественные произведения об Отечественной войне.

Чрезвычайно интересна лирика фронта. Нигде, быть может, так не чувствуется интимная, кровная связь советского фронта и тыла, как в этих стихах. Характерна уже самая форма их — чаще всего это форма стихотворных посланий, писем в стихах к родным — к ребенку, жене, невесте. Вчитайтесь в них — они полны любви, заботы, трогательных и нежных воспоминаний, но ни в одном из них вы не найдете и тени жалобы, уныния, усталости или беспокойства. Напротив. Они говорят о мужестве и бодрости, они и трогают до слез, и ободряют, и восхищают тем гордым спокойствием, с каким люди фронта говорят о готовности своей отдать жизнь за родину и свободу. Отец пишет с фронта письмо в стихах своему четырехлетнему сыну. Он рассказывает ему, за что он сражается, кого он защищает, он учит ребенка ненависти к врагам, подлым захватчикам и угнетателям. Он обещает сыну вернуться победителем.

Будет наша родина свободной,
И от мечисты очищен будет мир.
Я вернусь на праздник всенародный,
На чудесный всенародный пир.
Я тебя на лодке покатаю,
Будешь ты на лодке адмирал...

А если придется умереть в бою, что ж — близкие должны быть готовы к этому. Пусть мальчик знает, подрастая, что отец его погиб как герой.

Не вернусь — ты скажешь, замирая:
— Папа мой героем умирал..
Он свой долг пред родиной любимой
Выполнял до капли, до конца..
Должен стать и я достойным сыном
Моего достойного отца.

У нас есть немало стихов на аналогичные темы, написанных более умело, но мы затруднились бы, если бы нам пришлось выбирать между стихотворением профессионального поэта и этим безыскусственным, но сильным глубиной чувства и непосредственностью выражения «Письмом сыну» с фронта. Не менее поэтично и трогательно и другое стихотворение, адресованное маленькой дочери отцом-летчиком. Это письмо также своеобразный боевой отчет воина и героя.

Дорогая Тося, маленькая дочь,
Для фашистов грозной будет эта ночь.

А сейчас письмо я для тебя пишу,
Появись, что мало. Я в полет спешу.

Так заканчивается это стихотворение.

В «Письме» поэта А. Коваленкова, обращенном к любимой, та же тема победного возвращения и та же клятва верности своему долгу воина и патриота:

На голос твой я сердцем отзовусь,
На верность, верностью ли подвигом отвечу.

Соединение лирики и героики, не надуманное, а органическое, естественное, живое—вот то новое и своеобразное, что находим мы во фронтовых стихах. Глубоко личные, интимные, стихи эти проникнуты в то же время высоким гражданским пафосом, поэтому так значительны и важны они, поэтому так глубоко задевают они сегодня читателя. В этом отношении особенно выделяется замечательное стихотворение «Отомстим» Х. Мальтинского. Тема мести озверелому врагу, тема справедливого возмездия, развита в этом стихотворении в поэтическом образе огромной силы и выразительности. Мальчик, ребенок, приготовивший ржавый гвоздь, чтобы выколоть глаза фашисту, который замучил, убил его мать, растоптал ей лицо сапогами—это грозный, страшный символ для врага. Рассказ осиротевшего ребенка-мстителя отцу-воину, составивший содержание этого стихотворения, весь их разговор, приснившийся бойцу в тревожную фронтовую ночь, передан автором с такой убедительностью реальности, с такой силой образного выражения, что стихи эти западут в душу и память каждого, кто прочитает их.

«ДИДУ, МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ»

Мы лежали на опушке густого зеленого ельника — хлюпцы из черниговщины, коренастые сибиряки, храбрые грузины, — отражали натиск озверелого врага. Впереди нас, в ночной мгле, описывая полукруг, летели и жужжали в безбрежном небе трассирующие пули, гулко ухали орудия, нащупывая в небе самолет, разрезали мглу лучи прожекторов.

Мы отходили тогда с боями на восток по широким украинским полям и дорогам, утопая в щедром солнце, едкой пыли, сквозь осенние дожди, первые заморозки.

Никто из нас не забудет обыкновенное село Коваливку — мирное и трудолюбивое. Нас провожали печальные женщины и дети, древние украинские деды и наши матери.

На околице села Перевалочное, у кленовой криницы мы увидели старого деда с ципком в руках. Около него стояла молодая девушка. Она брала воду. Это была его дочь Катерина.

Дед был похож на запорожского степовика, как бы снова вставшего из братской могилы, чтобы воскресить в памяти славные подвиги казацкой Сечи и мстить извергам-немцам за попорченную честь своей родины. Он посмотрел нам в очи и тихо спросил:

— Вы ж ище прийдете?

— Прийдемо, диду, прийдемо, родный, — с уверенностью ответили мы, удаляясь за село.

И долго еще стоял дед около криницы, прислонившись к скорбной вербе. Он еще говорил, но его слова уносило ветром. В эту минуту раздался чей-то звучный голос, который слышали все перелески, поля и яруги:

— Чуемо тебе, диду, чуемо!.. Ждите нас, мы вернемось!

Тяжелые дни тянулись чередой.

Немецкая грабьярмия, лязгая танками и треща автоматами, врывается в наши села и города, убивала мирных людей — наших отцов и детей, сестер и братьев.

Мы все видели и все запомнили. Очи наши — наш верный неразлучный секретарь — все подробно заносили в список

кошмарных преступлений гитлеровских зверей. Мы ничего не прибавили, но и ничего не пропустили.

Шел дождь. Недалеко от станции Басы мы сидели в селянской хате и сушили мокрую одежду.

Старая мать, с любовью вспоминая своего сына—красного воина, вынула из потайного места пшеничный хлеб и напоила нас парным молоком.

На улице под охраной автоматчиков шли трое верных сынов Украины-матери. На переезде была сооружена виселица. Народные мстители стойко приблизились к последней черте жизни; мы видели их бледные, но мужественные лица, мы слышали их предсмертную клятву; вся Украина слышала огненные слова нашего гимна на устах свободных и непоколебимых советских патриотов.

Прошло несколько месяцев. Наше оружие закалилось в огне боев, мы возмужали и окрепли еще сильнее. Мы идем теперь на Запад, по знакомым дорогам на родную Украину.

Вот село Михайловка на берегу Ворсклы. Мы тут недавно вели упорные бои, изматывая силы врага.

Великий Тарас — гений украинского народа! Это ты когда-то написал об этом селе:

Село на нашій України,
Неначе писанка село,
Зеленим гаєм поросло.

Если бы ты мог встать из своей могилы и снова побывать в Яготине, где ты сидел на дубках с хлебосольными нашими селянами и мирно с ними вел беседу, а дивчата пели веселые, искристые украинские песни. Если бы ты снова прошел путь от Переяслава до Черкас и от Золотоноши до Миргорода—по всей плодородной Полтавщине!

Проклятые звери все наше вольное, святое испоганили, сожгли наши музеи, растоптали твои, Шевченко, портреты, любовно нарисованные школьниками; они изрубили парты, на которых учились твои сыны, украинский народ; они замучили тысячи твоих вольнолюбивых сынов-соколов, украли из скрини твоей сестры шерстяные платки, вышитые заполочью рушники, даже единственную чистую сорочку, которую мать сшила себе на смерть, стащили вшивые бандиты.

Грохочут орудия. Мы идем вперед. Линия фронта отодвигается все дальше и дальше на Запад. Вот гора, укрытая снежной шапкой, а вот и кленовая криница. Только нет знакомой вербы: она срублена вшивым мюллером на дрова. Навстречу нам из погребов выходят исстрадавшиеся люди;

вот и дед, сгорбленный, но непокоренный—он узнает нас, и слезы радости орошают его грудь. Огонь мести горит на его старческом лице. Да, мести, священной мести за его дом, превращенный немцами в груды развалин, за обесчещенную и замученную его Катерину, за сожженные села и потоптанные поля, за все, что уничтожено и обворовано моторизованными гуннами.

Шляхи украинские неисходимые, поля щедрые, черноземные! Вас еще топчет нога фрица в немецких сапогах-эрзацах. Выходи, украинский хлебобоб, ночью в степь, приложи ухо свое к снежной дороге, и ты услышишь, как стонет измученное сердце Украины, как в ее недрах растут и клокочут могучие силы, чтобы вулканом низвергнуться и испепелить всех немецких империалистов-разбойников.

Воины красные, партизаны храбрые! Смелее берите винтовку в отважные свои руки, бейте без промаха в самое сердце врага, уничтожайте фашистскую нечисть, отомстите за поруганную честь Украины—в этом великая ваша миссия; дети ваши вас не забудут никогда, песни о вас сложат, в легендах вы будете сиять немеркнущим огнем.

Выходи, молодая мать, из села Коваливки, бери на руки своего счастливого сына—встречай своего мужа—храброго воина Красной Армии, своих родственников и односельчан, мы идем по родной земле вперед.

Василь Пивторадни

ПОДВИГ

Третий час гремели выстрелы. Немцы, не считаясь с потерями, решили во что бы то ни стало овладеть селом П. Пока на подступах к селу шел бой, группа немцев численностью до восьмидесяти человек стала обходить село с тыла. Обойдя боевое охранение, они вошли в село и, вытянувшись цепью во всю ширину сельской улицы, направились туда, где шла схватка.

Впереди, метров за четыреста от немцев, на подводе ехал старшина подразделения Петр Горбач. Он знал, что на подступах к селу идет бой, слышал артиллерийскую канонаду. Как ни хотелось ему самому вступить в бой, померяться силами с немцами, он обязан был свято выполнить свои обязанности—во-время привезти обед и накормить людей. Человек боевой, горячий и нетерпеливый, он по характеру своей работы оказывался в стороне от непосредственной битвы. Вот

и сегодня, когда немцы лавиной бросились на село, командир роты приказал:

— Несмотря ни на что, обед должен быть готов во-время!

Старшина вытянулся и, повторив приказание, собрался в путь, в кладовую за продуктами. Он получил мясо, крупу, хлеб и сейчас везет все это в подразделение. Лошади еле тянут тяжело нагруженные сани.

Горбач сидит на санях и, прислушиваясь к выстрелам, безотчетно думает о колхозе, об оставленных там друзьях, о семье. Он вспоминает огромное, тянущееся до бесконечности поле, высокую колосистую режь. Немилосердно печет солнце. Босой, в белой вышитой рубаше, в широкополой шляпе, Горбач стоит за штурвалом комбайна. А комбайн, послушный его рукам и воле, как корабль, движется по полю. И, как бывало раньше, приятную сладостную усталость ощущает Горбач во всем теле. И кажется ему, что слышит он песни, мелодичные украинские песни.

Горбач поднимает голову и прислушивается. Конечно, никаких песен он не слышит. Крутом выстрелы, где-то слышен взрыв.

— Це мина,—тихо произносит Горбач. Кто это?—заметив вдругдвигающихся позади людей, спрашивает Горбач.—Какое это подразделение? Давайте, хлопцы, на помощь, чтоб немцам горячо стало!—говорит Горбач.

Но вдруг сомнение охватывает его. Почему это наши идут таким странным строем? Не немцы ли это?

— Слушай,—обращается он к бойцу — ездovому. — Посмотри, кто это идет?

Красноармеец оборачивается и внезапно восклицает:

— Зеленые шинели! Немцы!

У Горбача лоб стал мокрый.

— Что же делать? Надо своих предупредить,—говорит он.—Вот что, ты езжай, только не быстро, чтоб не вызвать у них подозрений. А я задержу их,—и ловко соскочив с саней, он, не торопясь, идет в первый же двор. Скрывшись за калиткой, он одним прыжком врывается в избу, защелкивает за собой дверь и подскакивает к окну. Ударом приклада он выбивает в одной из клеточек стекло и настораживается. Его полуавтоматическая винтовка бьет безотказно, патронов много, на ремне три гранаты. «Повоюем!»—говорит Горбач. Он волнуется. Он не знает, отчего. Страх ли это? «Не думаю»,—мысленно отвечает Горбач. «Я не волнуюсь!»—вдруг вслух и решительно произносит старшина.

И пока он отвечал своим мыслям, немцы успели подойти метров за сто к избе, в которой скрылся Горбач. Да, это были немцы. Они шли все так же цепью, во всю улицу, быстрым большим шагом. Горбач приготовился. Он нажал на спусковой крючок, и винтовка заговорила. Несколько немцев сразу упали.

— Рус! — крикнул кто-то из солдат и бросился было бежать. Но последовала команда на немецком языке, и все солдаты залегли. Горбач продолжал стрелять. Немцы отвечали. Они били из автоматов по окнам, со звоном падали стекла. Небывалое спокойствие овладело Горбачем. Он бил и бил по немцам, наслаждаясь видом корчащихся от его пуль солдат.

Вдруг вражеская пуля вонзилась в его тело. Горбач вскрикнул и выпустил из рук винтовку. Но опасность удесятерила его силы. Он вновь схватил винтовку и с новой силой начал бить по врагу.

Немцы окружили дом. Они вплотную подошли к нему и, обложив соломой, зажгли. В эту минуту новая пуля пробила ногу Горбача. Но Горбач не собирался расставаться с жизнью. Он приготовил к бою гранаты. Запылала солома, занялась огнем крыша, изба наполнилась дымом. Горбачу нельзя было стрелять. В окна непрерывно били вражеские автоматы. Неожиданно раздался взрыв. Это взорвалась мина, выпущенная из пятидесятимиллиметрового миномета. Со стен и потолка посыпалась глина, новый взрыв потряс избу. К раскрытой силой взрыва двери устремились немцы. Горбач, преодолевая боль, рванулся к двери и брошенными одна за другой гранатами пробил себе путь к другой избе. Он вновь устроился у окна и, прицелившись, вновь начал стрелять. Немцы перенесли огонь миномета на вторую избу. Мины попадали в крышу, в стены, в окна сыпались пули. Осколок мины ударил в голову Горбача, засочилась кровь. Выбиваясь из-под волос, кровь каплями стекала на плечи. Не было больше сил, кончались патроны. Горбач бросил в разбитое окно третью, последнюю гранату. Он ничего больше не видел, не знал, сколько он уложил немцев. Боль острая, ноющая, охватывала все тело. Казалось, что кто-то иголками колет руки, ноги, голову, грудь...

Ему вдруг захотелось спать. Спать! На минуту Горбачу стало легче. Боль утихла. Но прошла минута, забытье кончилось, и боль опять дала себя знать!

Он перестал стрелять — кончились патроны, вышли гранаты. Он лежал на грязном земляном полу и, пытаясь забыться

от боли, думал о доме, о колхозе, о милой родной Украине, озолоченной солнцем...

Так прошло десять, а может быть, двадцать минут. Выстрелы удалились. Горбач с трудом поднялся и, хромя, подошел к разбитому окну. У дома лежали трупы немцев; а те, что остались в живых, убегали, преследуемые красноармейцами.

— Значит, успел, предупредил? — с теплым чувством подумал Горбач о бойце-ездовом. — Как его фамилия? — силясь вспомнить, произнес Горбач. Но он не вспомнил. Потеряв сознание, Горбач рухнул на землю.

...Вечером, в санчасти, придя в сознание, Петр Горбач спросил:

— Ну, как прогнали немцев?

— Прогнали, прогнали. Многие остались навсегда здесь — один ты убил двадцать солдат и ранил пятнадцать.

— Это хорошо, — удовлетворенно сказал Горбач. — А обед сварили?

— Сварили, товарищ старшина! — ответило несколько голосов. Горбач обернулся в ту сторону, откуда раздались голоса и увидел четырех бойцов роты. — Пришли проведать вас...

Горбач с благодарностью посмотрел на бойцов и рукой позвал к себе. Среди них он узнал своего ездового...

Политрук М. Лейпунский

ДВА МОРОЗА

(Сказка)

Пошел, значит, Михаил Мороз в разведку. Задание у него было простое. Возле небольшой лесной речушки, у самого берега стояла хата лесника. В ней засели фашисты и оттуда вели обстрел лесной дороги и небольшого мостика... Ему и надо было узнать, сколько немцев засело в этой хате и где их огневые точки.

Шел Михаил лесом дремучим. Тишина кругом. Как вдруг услышал легкий шум и хруст переломанной ветки. Мигом спрятался за дерево и палец невольно лег на спусковой крючок. Он выжидал и смотрел. На небольшую лесную поляну вышел крепкий, рослый старик с длинной палкой. Белая его борода касалась серебряного пояса.

Михаил, громко засмеявшись, вышел из-за дерева и сказал: — Я думал немец идет, а это ты, старик.

— Я—дед-Мороз, хозяин лесов и полей в зимнее время. А ты чего тут ходишь в такой поздний час и кто ты будешь? Друг ты или враг? Сказывай, — грозно спросил старик.

— Не враг, а есть я Михаил Мороз. Разведчик я, значит, буду и иду, чтобы у немцев выведать что надо.

— Ага, так ты, значит, разведчик. Здорово, Михаил Мороз.

И он крепко пожал руку Михаила. Тогда сказал с обидой Михаил:

— Сидишь ты, дед-Мороз, здесь в лесу, да бороду себе почесываешь, а того ведь и не знаешь, что я, Михаил Мороз, боец второго взвода, хочу, чтобы сейчас мороз сильный был. Стыдно, дед-Мороз, в такое время в лесу отсиживаться.

Дед-Мороз смутился немного и начал оправдываться:

— Отдохнул я малость, товарищ боец, а теперь вот снова иду в путь, владения оглядывать свои. Пойдем вместе в «гости» к фашистам.—И они двинулись в путь.

Махнул дед-Мороз налево, и речка быстрая льдом покрылась, махнул направо, и лес темный перестал шуметь, и зверь всякий в нору спрятался, и немец, что стоял на посту около хаты лесника, зубами зацокал и продрог до костей.

И стукнул дед-Мороз палкой тяжелой, и тихо стало, и лес темный замер, и воздух зазвенел. Все живое спряталось от холода, и немец в хату спрятался, пост свой покинув.

А Михаилу того и надо.

— Постой здесь, старина, да смотри, близко не подходи, чтобы осколком не ушибло.

Подошел он тихо к дому. Посмотрел в окно: немцы спят, а часовой сидит и вшей молоточком маленьким постукивает.

— Сейчас я вас, голубчики, гранатой стукну.

Связав три гранаты, он бросил их в хату. И хата вместе с телами и душами врагов взлетела в воздух. Лишь эхо недалеко где-то отозвалось звонко, словно радуясь гибели врага.

А Михаил, как будто ничего не случилось, спокойно подошел к деду-Морозу.

— Славно ты их угостил и достоин звания воина красного! — с восхищением произнес дед-Мороз.

— А ты же думал как, старина. Дело это мне не впервые. И тебе, старик, спасибо. Большую ты услугу оказал мне, товарищ дед-Мороз. Будь здоров, старина, в гости ожидай. Встретимся мы с тобой не раз еще в лесу и в поле. Будет нас помнить немчуря!

Красноармеец В. Ермоленко

ДЕД

Сшюб!.. Сшюба давай! Брызги слюны падали на белую гошую бороденку деда.

— Сшюба давай, швайи! — он схватил деда за большой расшитый ворот рубахи, с силой дернул послушное тело к себе и отбросил назад.

Дед качнулся, голова откинулась, костлявое тело ударилось о стену. Большие, багровые, грязные кулаки прыгали перед глазами, то увеличивались, приближаясь, то отдалялись для удара.

— Собака, — беззвучно шептали губы деда, — сволочь!..

Кулаки вдруг стремительно мелькнули. Удар был рассчитанный и сильный. За ним последовал второй, третий... Сноп искр сменился радужными кругами, глаза застлались туманом. Дед чувствовал тупую боль. Скула, переносица, губы после каждого удара вздувались все больше и больше, казалось вся голова стала несоразмерно большой и тяжелой. Горячая соленая кровь сочилась из рта, растекалась по подбородку, вилась по жидким волосенкам бородки деда.

— Ушли родимые, ушли, — конец наш... Смерть пришла... — пронеслось в голове деда. Он явственно вспомнил, как тот последний, что уходил, Ваня, Ванек, — как звал его дед, засунул за пояс немецкий маузер, широко улыбнулся деду в дверях:

— Не забывай! Встретимся еще.

— Не встретимся, — мелькает в голове деда, — смертушка пришла...

Откуда-то издалека доносились взрывы снарядов и стекла звонко дребезжали в рамах.

— Не поспеют наши... Ладно уж... — решает дед. — Умру. Жизнь прожил. Японскую воевал. — Сколько ж прожил?.. 70 или 80 годков. И не вспомнишь...

Дед напрягает память.

— Восемьдесят, — решает он.

И вдруг резкая боль пронизала все тело. Удар ногой пришелся в живот.

...Когда дед открыл глаза, на полу перед глазами лежала фотография, сорванная им при падении. Желтая, выцветшая, и рядом с разбитыми стеклами другая, третья...

Дед пристально уставился в одну, в выцветшую.

— Да, это он. В бескозырке. В японскую. 35 годков было... Давно. А вот и внучек, Паша. Внучек...

С фотографии улыбалось молодое сероглазое лицо юнца со звездочкой на фуражке.

Рывком поднял голову дед. В противоположной стороне комнаты тот, кто брызгал слюной, кричал «швайн», жестоко бил, перегнувшись в открытую скрыню и выбрасывал оттуда на пол штаны, рубаху, дедову стеганку.

И тогда дед беззвучно привстал и подскочил к скрыне.

Мгновение — и жилистые дедовы руки рванули крышку скрыни, метнули ее вниз на тело, поясницу того, кто его истязал.

Что-то хряснуло... Из-под крышки глухо донесся вой. А дед налег на крышку своим тощим телом, потом проворно, словно силы его внука переселились в него, вынул из мотававшегося кобура своего истязателя немецкий маузер.

Руки деда дрожали, в сознании точно и четко пронеслась картина, как Ванек, что уходил последним, показывал ему мудреную штучку — маузер, который отбил у немчуры.

Дед прицелился в толстый зад своего мучителя и спустил курок.

Задрыгали ноги и животный хрип оборвался там, в скрыне. — Прибегут на выстрел... — пронеслось в голове.

Дед быстро надел свой старый обтрепанный ватник, сунул маузер за штанину, запахнулся и... крадучись вышел из хаты...

...Передо мной стоял дед и протягивал немецкий маузер.

— Возьми, внучек. Пригодится. А я — помру...

Дед не умер. Дед ездит с нами, живет в нашем подразделении, в разведку ходит и часто приговаривает:

— Не помру я!..

Б. Клебанов

ОШИБКА

(Рассказ старого колхозника Семена Дутова)

В воскресенье немцы еще пировали. А в понедельник, ночью, слышим на улице шум, брань, идут колоннами, бегут одиночками, на ходу напяливают дрянненькие шинелишки, поспешно закутывают головы в награбленное лохмотье.

Я вышел во двор и сквозь щель наблюдал, как удирали на запад гитлеровские бандиты.

И вдруг на рассвете кто-то постучал в окно. Присмотрелся и глазам своим не верю — вижу стоит коренастый парень в белом халате, держит лыжи, а на груди у него висит автомат.

Как заметил я на ушанке красную звезду, — сердце мое забилось от радости. Выбежал на двор и спрашиваю:

— Не ты ли это, Федюша, сынок?

А сын-то мой Федя—красный командир.

— Открывай, папаша, какая разница, сын или внук, лишь бы свой, советский, — отвечает он мне.

— Нет, ты мне правду скажи: красный или же немец подкрашенный?

— Не бойсь, папаша, открывай, я разведчик. Немцы в селе есть?

Открыл я ворота, посмотрел, а их аж пятеро краснощеких крепышей. Говорю им:

— Ну, раз наши — пожалуйста в дом, гости дорогие. Долго мы вас ждали. А немцев и след, голубчики, простыл, ночью удрали. Ну, пожалуйста в хату, родимые, молочка теплого попьете, согреетесь. Два моих сынка тоже в Красной Армии. Вася—на Балтике плавает, а Федя—в пехоте командир.

— Сейчас, папаша, нам некогда в дом заходить. В другой раз заскочим. Так, говоришь, — немцев в селе нет?—недовверчиво переспросил меня тот, что стоял ближе к воротам.

— Бежали.

— Ну, спасибо, старик, прощай! — И скрылись.

Часика через два выхожу я к колодцу. Боже мой, откуда тебе ни возьмишь, — три дрожащих немца!

— Рус, куда пошли наши, не видал? Веди нас, — залепетал один.

— Куда веди? Зачем? Ваше дело труба, капут...

Один подскочил и наставил на меня винтовку.

— Веди, а то пук, пук...

— Ах, ты сукин сын, бродяга немецкая, — тут я и бросился на него. Выхватил винтовку, отбросил ее под забор и схватил голодранца за грудь. Стукнул я его о другого немца и кричу: — Не уйдете! Антонина, Оксана, а ну-ка бегом сюда! — кликнул я невестку и дочку на помощь.

А немчура не поняла, думала зову партизан, заметалась, попадала в снег. Один выстрелил в меня, но не попал. Оксана—дочка у меня рослая, невестка тоже. Навалились на того, что стрельнул, и давай его колошматить кулаками. А я поднял винтовку, бросился к тем, что барахтались в снегу, да жаль — в ней не было патронов. Перепуганные насмерть немцы кинулись вдоль улицы. С винтовкой погнался я за ними и кричу:

— Не уйдете!

Как рванули они назад на меня. Оглянулся, а из огорода на них стрелой летят те самые хлопцы, что стучались ко мне тогда в окно. Наши, значит, разведчики.

— Бейте их, сынки, бейте! — кричу им.

Всех трех ребята и прикончили. Подошел ко мне тот коренстый парень, взял за руку и говорит:

— Ну, папаша, а ты ж говорил, что в селе немцев нету. Вот, видишь, ошибся, нашлись.

— Да, извиняюсь, ошибся...

— А вот теперь можно пойти и молочка попить.

Записал Владимир Мищенко

СЕРДЦЕ ОХОТНИКА

(Рассказ)

Бой утихал. Немцы, выбитые из хутора, поспешно отошли к совхозу, который они сильно укрепили, оплели колючей проволокой, заминировали.

— Теперь его в лоб не возьмешь! — сказал сержант Ермашов, наблюдая из окна полуразрушенной хаты. Среди бойцов его отделения были и новички, впервые участвовавшие в бою.

— А немцы трусы, — бахвалился веснушчатый со вздернутым носом боец Вихляев. — Когда мы поднялись в атаку и крикнули «ура», они подхватили полы шинелей — и только видели их. Я прицелился, офицер кувыркнул в снег. Здорово я его, аж каска полетела в сторону!

Вихляев не умолкал. Фашистов он видел впереди, да еще бегущих в панике, и поэтому испытывал радость первого боя. Ему казалось, что немцы все трусы и бить их совсем легко.

— Вы еще не знаете немца, Вихляев, — одернул бойца сержант, не отрывая глаз от снежного поля, на краю которого виднелся совхоз. Ермашев хотел рассказать, как ему пришлось на себе испытать варварскую жестокость немцев, но раздался выстрел, и сержант резко обернулся.

— Кто выстрелил?

Все молчали.

— Кто стрелял? Кто разрешил открывать огонь?

— Я стрелял...

Медленной походкой вошел в хату красноармеец Бахрам Калымов и неловко стал по команде «смирно». Монгольские глаза его сверкали задорными огоньками, широкие брови раздвинулись.

— Немец там показался, а я его — хлоп!

— Вы выдали нас, понимаете? — сердито сказал сержант. — А что немца убил, не верю, темно уже, да и свидетеля надо

иметь, — и, бросив на Калымова пронизывающий холодный взгляд, сержант снова повернулся к окну. Ермашов почувствовал, что слишком погорячился и в душе уже раскаивался.

Калымов повернулся и молча вышел. Он наблюдал за дорогой, идущей от совхоза. Чернее грозовой тучи стал Бахрам.

— Ну как, убил немца? — подтрунивал Вихляев. — Вишь, брат, свидетеля надо иметь.

Но Калымов молчал. Он напряженно смотрел вперед. Велика обида охотника.

В далекой Якутии шла о Калымове хорошая слава. Охота — его стихия. Он охотник по крови, по обычаям. Любил он стать на лыжи и на 10—20 дней, а то и на месяц, исчезнуть из селения. Тайга. Как она прекрасна! В ее дремучих чащах Калымов чувствовал себя хозяином.

Теперь он сменил охотничье ружье на новенькую трехлинейку и впервые пошел в бой. Он подносил патроны, он видел, как его товарищи истребляли фашистов, а ему не удалось застрелить ни одного. И уже вечером, когда он стоял на посту в боевом охранении, его наметанный глаз заметил пробирающегося в окоп врага. Спокойно он навел мушку и выстрелил. Немец был убит наповал. В этом Калымов не сомневался.

Но радость вдруг стала печалью. И горько стало охотнику Бахраму Калымову. Ему не поверили. И он молчал. Вечером и ночью от него никто не услышал и слова.

«Упорный парень», — подумал сержант. И хотя Калымов был не так проворен и исполнителен, как другие бойцы, он все же начинал ему нравиться.

Утром отделение в составе своей роты пошло в атаку на совхоз с правого фланга. Перебегая от дерева к дереву, отделение вплотную подошло к совхозу. Неожиданно застрочили автоматы. Бойцы зарылись в снег. Ермашев и Вихляев вырвались вперед и оказались вне обстрела.

— Ложись! — скомандовал Ермашев. — Ползком надо, гранатами забросать вон тот сарай, в нем автоматчики.

Вихляев сначала полз, затем, пригнувшись, пошел, а потом во весь рост побежал, подняв гранату и крикнув «ура». Возле сарая он споткнулся и упал. Затем поднялся, но уже не сам, а вдвоем. Немецкий ефрейтор, сбивший с ног неосторожного Вихляева, решил захватить его живым. Боец увидел рыжую морду, перекошенную злобой, налитые кровью глаза, и ему стало страшно. Напрягая все усилия, он сбросил с себя ефрейтора и поднялся. Но фашист холодными, как жаба, паль-

нами уцепился за горло. Вихляев отбивался. Сержант видел, как он боролся, но помочь не мог, автоматчик перенес огонь, и пули вливались в снег вокруг него, не давая даже шевельнуться. Больно занемело сердце. Стрелять — можно попасть в своего бойца. Но все же он начал ловить на мушку ефрейтора. Только прицелился — сзади прогремел выстрел. Рыжий ефрейтор, пошатнувшись, неуклюже повалился. Но вместе с ним упал и Вихляев.

«Убит», — тревожно подумал Ермашев. Жалко стало бойца. Сзади прогремел еще один винтовочный выстрел. Автоматчик, строчивший по сержанту, умолк.

— Ползком, за мной! — скомандовал Ермашев и, ловко передвигая ногами и руками, пополз вперед.

Сзади прогремел снова выстрел — захлебнулся еще один автомат. После каждого гулко-го выстрела из березовой рощи умолкал то автомат, то пулемет. Бойцы во главе с Ермашевым ворвались в совхоз и гранатами начали забрасывать окопы, сарай. Вихляев оказался жив, ему перевязали рану, которую ножом в грудь нанес ему ефрейтор.

Фашисты ожесточенно сопротивлялись, их выковыривали штыками и гранатами.

— Бей гадов! — кричал сержант, ворвавшись в самую гущу фашистов.

— Рус, цурик! — заорал унтер-офицер, наставив в грудь Ермашеву лезвие плоского штыка. Другой фашист целился в сержанта сбоку. Но не успел Ермашев отбить направленный ему в грудь штык, как унтер-офицер повалился, пораженный пулей в лоб. Офицера Ермашев сам прикончил прикладом.

...Вечером, когда снова утих бой, сержант подводил итоги.

— Кто сегодня отличился? — спросил он.

— Калымов! — хором подсказали бойцы. Это он убил рыжего ефрейтора и спас жизнь Вихляеву. Это он спас сержанта, пулей в лоб убив унтер-офицера. Это после его гулких выстрелов из рощи замолкали автоматы и пулеметы. Калымов стоял тогда недвижимым, прильнув к стволу роскошной березы, и выбирал цели. Белку он в глаз бил, а фашистов — в лоб.

Калымов молчал. Его скуластое лицо было спокойно.

— Молодец, Бахрам! — впервые улыбнулся сержант Калымову и, заключив его в объятия, по-дружески поцеловал. И сержант ощутил теплые упругие губы и горячее сердце, которое бьется в груди охотника и патриота родины.

Политрук Ив. Ольховик

КИСЕТ

(Новелла)

От незнакомой женщины молодой, стройный лейтенант Ярин — бывший бек ленинградской футбольной команды получил подарок.

Это было в перерыве между боем. Рассматривая содержимое посылки, ленинградец угощал своих подчиненных: мандаринкой — отличившегося в недавнем сражении харьковчанина Зайченко, ароматным табаком — пулеметчика Рахметова. Потом лейтенант вынул из ящика завернутый в кальку кисет. На голубом бархате кисета красным гарусом были вышиты алая звездочка и волнующие слова: «Подарок герою».

Все были очарованы чудесным подарком. Он ходил по рукам бойцов. Снайпер Тудиров, посмотрев красивую вышивку, одним словом выразил свое восхищение:

— Карош!

После того, как кисет рассмотрели почти все бойцы, Ярин взял свой подарок и обратился к своим подчиненным, как всегда, мягко улыбаясь:

— Наверное женщина, приславшая мне посылку, такая же красивая, как и ее подарок. Я ей напишу письмо, что ее кисет вручен не просто фронтовику, а настоящему герою, снайперу Тудирову, истребившему только в одном бою 40 фашистов.

Лейтенант протянул кисет по-детски смутившемуся бойцу, и товарищи зааплодировали снайперу.

...Потом был снова бой. И снова, после сраженья, друзья собрались. Лейтенант подводил итоги боя.

Слушал Тудиров своего командира. Правдивые слова! Но обо всем он рассказывал, а о себе ни слова. И когда лейтенант окончил речь, всегда молчаливый снайпер поднял руку:

— Разрешите, я тоже хочу сказать.

Он вынул из кармана голубой, ярко вышитый кисет и, подняв его, как кубок, вручил своему командиру за отличное руководство бойцами, за то, что в этом бою сам лейтенант заколол пятнадцать фашистов.

— Якши командир! — окончил свою речь снайпер.

Младший политрук Гр. Крупа

ПОМНЮ...

Помню лето... Гомель... Новозыбков...

Помню лес, широкий и густой.

Мы расстались. Молодая, гибкая,

На прощание махнула ты рукой.

Я стоял и провожал глазами,

Ты в ладони комкала платок.

Поезд тронулся. Твоими волосами

Заиграл июльский ветерок.

Ты уехала в смоленском направлении.

Я за Гомель бился. Гнев крепчал.

Часто, часто в грозовом сражении

О тебе, родная, вспоминал.

Вспоминал я Гомель, Новозыбков,

Вспоминал тот хвойный лес густой,

Где глазами черными, улыбкой

Ты сказала: «Я иду на бой!»

И ушла со злою смертью драться—

В ураган жестокий, огневой...

Медсестра, ты поднимала братьев,

Возвращала их в победный строй.

И, признаться, иногда, вздыхая,

Я боялся за судьбу твою:

Как ты сможешь—нежная такая—

Мать-отчизну отстоять в бою?

Но однажды в фронтовой газете

(Сердце дрогнуло, ушел покой)

Я прочел, что ты живешь на свете,

И что ты—прославленный герой!

Мой товарищ славный... На странице

Был портрет твой, милый и родной...

И пошел я вновь за счастье биться

С сердцем, переполненным тобой.

Мл. политрук И. Давыдов

ГАНКА

Хорошо вспоминать о невесте...

Помню:

Как-то под вечер в землянке
Вспомнил ты со вздохом детство,
И любимую тобою Ганку:

—Дома—немец,

Она партизанил...

Наступать...

Наступать бы скорей!

Подожди, скоро время настанет—

Я тебя познакомлю с ней.

Поскорей, мой товарищ, скорей
На разгром этих лютых и бешеных,
Видишь, вон на вечерней заре
Силуэты повешенных.

Из всех сел,

Деревень, тобой пройденных,
Этот хутор—твой самый родной.
Наглый немец оставил от родины
Только пепел да виселиц строй.

Мы пришли,

Ты узнал партизанку

И сказал:

—Вот вернулся домой...

Это немцы повесили Ганку

И сожгли хуторок мой родной

Украина—бескрайнее море
Колосистой, ликующей ржи,
Расскажи, сколько вынесла горя?
Сколько крови и слез, расскажи.

Украина—любимое слово,

Украина—девичьи глаза!

Погляди: поднимаются снова

Кармелюк

И зовущий Кобзарь.

Так вперед же за мчащимся танком,
Нам не время скорбеть и грустить —
Отомстим за любимую Ганку,
За поруганный край отомстим!
Младший воентехник С. Щетилин

ПИСЬМО РОДНЫМ

Дорогая Тося, маленькая дочь.
Завтра новый праздник—боевая ночь.
Ночью мы фашистам перцу зададим,
И немало ДЗОТ'ов с неба разбомбим.
Не жалея жизни,
каждый рвется в бой,
Не отстал от лучших
папа твой родной.
Родина взрастила, Сталин научил,
Я теперь стальные крылья получил.
При моем налете фрицам не до сна,
Мимо не упала бомба ни одна.
От ее разрыва ДЗОТ их не спасал,
И навечно в землю взрыв их закопал.
Дорогая Тося, маленькая дочь.
Для фашистов грозной
будет эта ночь.
А сейчас письмо я для тебя пишу,
Извини, что мало,
Я в полет спешу.
А. Кукушкин

ПИСЬМО СЫНУ

Здравствуй, сын мой, близкий и далекий,
Дорогой, четырехлетний сын.
Я живу в землянке. Снег глубокий,
Ели, сосны, голубая синь.
За страну любимую, родную,
Защищать отчизну от врагов,
В армию героев боевую
Стал отец твой в строй большевиков.

Волчья стая и сапог громилы
Топчет землю, родину, детей...
Эту землю волки обогрили
Кровью наших дорогих людей.

И эвучит повсюду голос мести:
Уничтожен должен быть фашист!
Твой отец сейчас клянется честью
Истреблять их. Он—артиллерист.

Будет наша родина свободной,
И от нечисти очищен будет мир.
Я вернусь на праздник всенародный,
На чудесный всенародный пир.

Я тебя на лодке покатаю,
Будешь ты на лодке адмирал.
Не вернусь — ты скажешь, замирая:
— Папа мой героем умирал...

Он свой долг пред родиной любимой
Выполнял до капли, до конца...
Должен стать и я достойным сыном
Моего достойного отца.

Старший лейтенант И. Зайд

Я ПОЛУЧИЛ ПОДАРОК

Вот в этом праздничном пакете,
Что прислан мне издалека,
В подарке, в маленьком предмете
Я вижу душу земляка.

Отеческими теплыми руками
Вложил письмо он в синюю тетрадь...
И то, что просто сказано словами,
С волнением начнешь читать.

Сто раз повторишь строки эти,
В жизнь понесешь, осмыслив их,
Как у любимого поэта,
Прочтя, осмысливаешь стих.

Прекраснейший народ, гордимся
мы тобою!

Ты отдаешь заботу, ласку, труд...
Так люди, породненные борьбою,
Издавека друг друга узнают.

Красноармеец К. Щеголев

ПИСЬМО

Ты обо мне в слезах не вспоминай,
Оставь свою заботу и тревогу.
Не близок путь, далек знакомый край,
Но я вернусь к родимому порогу.
На голос твой я сердцем отзовусь,
На верность верностью и подвигом отвечу.
Я далеко, но я еще вернусь,
И ты, как прежде, выйдешь мне навстречу.

А. Коваленков

ОТОМСТИМ!

Видел я во сне: мой сынок,
Мой мальчик кудрявый
На перекрестке дорог
Гвоздь держит ржавый.

Заметил меня, закричал:
«Милый мой папка!
Какая у тебя большая,
Боецкая шапка».

Сын был бледен и хил:
«Прижмись,—обогрею».
Озябшими ручками он охватил
Мою теплую шею.

«Папка, сколько ты фашистов убил?
Наверно, немало.
Хочу, чтоб на всех-всех фашистов
Большущая бомба упала!

На полу наша мама лежит
Открытыми смотрит глазами,—
Подбежал к ней фашистский бандит
Ударил в лицо сапогами...

Ничего уж мама не слышит,
Кровь на губах, молчит...
Убил ее фашистский бандит...

Ты плачешь, мой папка?
Плакать не надо.
Пойдем домой,
Мама встанет и будет так рада.

Но раньше всего
Мы фашиста найдем,
Глаза ему выколем
Вот этим гвоздем»...

Проснулся я рано, глаза протер.
Винтовка лежит моя рядом.
Смотрю я на ствол, на затвор
Внимательным взглядом;
Ни пятнышка, штык на винтовке блестит.

Месть—штыка острее...
И кровь в моих жилах кипит:
Отомстить им за все скорее.

Х. Мальтинский

В ГОЛУБОЙ КОСЫНОЧКЕ

В голубой косыночке
Как-то поутру
Провожала милого
Мужа на войну.

И в глаза туманами
Набегала грусть...
Она не таилася:
«Слезы... Ну и пусть...»

А в прощальном шопоте:
«Не забудь... Пиши...»,
Вырывалось «милый мой»
Прямо из души.

Думалось, что личное
Горе всех сильнее.
Пролетели стайками
Вереницы дней.

И весенней радостью
Наполняло грудь,
Коль почтарь по улице
К ней направит путь...

Жив. Здоров. Целует он
Милое лицо
В голубой косыночке...
«...Все шло хорошо...»

И письмо кончалось:
«Не забудь... Пиши!»
Вырывалось: «милый мой»
Снова из души.

Раз строка газетная
Притянула взгляд:
Очень уж знакомые
Буквы в ней стоят.

Руки непослушные
Мнут газетный лист.
А из глаз обильные
Слезы полились.

Многое хотелось ей
В этот миг сказать.
Сделались суровыми
Серые глаза.

Думалось, что личное...
Нет, пусть вся страна
Подвигом любимого
Будет с ней горда.

Пусть его не стало,
Пусть на сердце боль...
Родине прибавился
Новый сын-герой.

Красноармеец П. Шеляков

ОТ ПУЛИ СОВЕТСКОЙ ВРАГУ НЕ УЙТИ

(Ответ на подарки)

К новому году
Получил я посылку:
Коржики, орешки,
Меду бутылку

И полотенце,
Мыла кусочек,
Щетку зубную
И белый платочек.

А на платочке—
Вышито гладью:
Бойцу дорогому
Подарок от Нади.

Надя мне счастья
От сердца желает,
Перечисляет,
Что посылает.

Просит за наше
Правое дело
Драться отважно,
Храбро и смело.

Чтоб наступал я,
Не зная преграды,
Немцев громил —
Без всякой пощады.

Тебя заверяю,
Надя, родная.

И та немчура, что бежит
Не спасется!
Перестреляем
Мы всех фашистов,
Никто из фашистов
Домой не вернется.

Их соколы наши
Настигнут в пути,
От пули советской
Врагу не уйти.

Надя, родная,
Спасибо большое
За милый подарок,
Письмо дорогое.

Буду я вечно
Платочек хранить
И лучше и крепче
Врага буду бить.

Техник-интендант 2-го ранга
Х. Мальтинский

ПОДРУГА

Вперед, боевая подруга!
Трещит пулемет вдалеке...
Ты твердо шагаешь с бойцами,
Повязка на левой руке.

Бойцы — в штыковую атаку,
Ты смело за ними идешь.
Вот раненый стонет товарищ,
К нему под огнем подползешь.

Так мило и ласково скажешь:
«Ты жив будешь, мой дорогой».
И рану ему перевяжешь,
Из фляги напоишь водой.

Идешь ты в военной шинели
Сквозь грозные бури войны...
Тебя не пугают шрапнели,
Ты стала героем страны.

Мария Бодня

355689

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3

Рассказы и очерки

«Диду, мы возвращаемся»	6
Подвиг	8
Два мороза	11
Д е д	13
Ошибка	14
Сердце охотника	16
Бисет	19

С т и х и

Помню	20
Ганка	21
Письмо родным	22
Письмо сыну	22
Я получил подарок	23
П и с ь м о	24
Отомстим!	24
В голубой косыночке	25
От пули советской врагу не уйти	27
Подруга	28

Саратовское областное государственное издательство. 1942 г.

Отв. редактор *Е. Трощенко.*

Корректор *З. Чуднова.*

НГ22636. Подписано к печати 18/IX 1942 г. Уч-издат. л. 1,8.
Печ. л. 2. Знаков в бум. л. 82.000. Тираж 25.000. Цена 60 коп. Саратов.
Набрано в типографии газетно-книжного издательства Обкома ВКП(б).
Отпечатано в типографии № 1 Полиграфиздата. Заказ № 4070.

14-11-42

60 коп.